Цена вечной осени

AGAFYA VEBER

Агафья Вебер
Цена вечной осени

https://litres.ru/74933872
SelfPub; 2026

Аннотация

Для всего мира Афина — ослепительная тридцатилетняя владелица многомиллиардного фармацевтического гиганта «Athena Pharm». Она живет в уединенном хай-тек особняке, где дикая природа буквально сливается со стеклом и бетоном, пилотирует собственный вертолет и, кажется, подчинила себе весь мир. Но её безупречная молодость — это лишь иллюзия, которая каждые полгода грозит обернуться вековым тленом. Чтобы обмануть смерть, Афине нужна чужая жизненная искра, забрать которую можно лишь через прямой, чувственный контакт.

Раз за разом она выходит на свою тайную охоту. Циничные богачи, ослепленные гордыней, амбициозные творцы, пышущие здоровьем спортсмены — все они сами стремятся в её объятия, уверенные, что соблазняют прекрасную миллиардершу. Приглашение в её дом среди глухого леса кажется им вершиной триумфа. Они еще не знают, что за право коснуться ведьмы им придется заплатить самым дорогим, что у них есть, а их угасающие жизни станут лишь дровами для поддержания её вечной, роковой осени.

Содержание

Глава 1 4
Цена вечной осени 4
Глава 2 26
Корни опавшей листвы 26
Глава 3 38
Имя для тени 38
Глава 4 48
Стеклянный лабиринт 48
Конец ознакомительного фрагмента. 52

Агафья Вебер
Цена вечной осени

Глава 1

Цена вечной осени

Винты глянцево-черного «Eurocopter» рассекали плотный, напитанный озерной сыростью воздух над пригородным плёсом с глухим, вибрирующим свистом. Афина вела машину уверенно, жестко, почти механически переключая тумблеры на приборной панели. Под левым крылом, уходя в бесконечную черноту горизонта, расстилалось глухое море столетней тайги. В осенних сумерках верхушки елей казались острыми пиками, готовыми пропороть фюзеляж.

На пассажирском кресле, перехваченные кожаной лентой, лежали квартальные отчёты «Athena Pharm» — глянцевые страницы, усыпанные безупречными графиками прибыли. Миллиардная империя, транснациональный гигант, гордость отечественного Сколково — и одновременно её самая идеальная, непробиваемая броня. Мир, задыхающийся от неврозов и преждевременного старения, скупал её «инновационные молекулярные сыворотки» миллионными тиражами.

Обыватели свято верили в швейцарские лаборатории и нанотехнологии, даже не подозревая, что базовые формулы её препаратов были выкопаны из полусгнивших берестяных свитков Нави и заговорены на мертвой воде глухих болотных курганов.

Вертолет мягко, без единого толчка опустился на посадочную площадку, вмонтированную прямо в плоскую крышу особняка. Афина на секунду прикрыла глаза, прислушиваясь к тому, как затихает ротор. Тишина, опустившаяся на лес, была избыточной, почти удушающей. Здесь природа не просто окружала жилье — она хищно, нагло перетекала внутрь. Особняк, спроектированный лучшими скандинавскими архитекторами, представлял собой агрессивный монолит из грубого, необработанного бетона, панорамного тонированного стекла и темного, вымоченного в масле кедра. Стены буквально прорастали сквозь скалу, стирая границу между цивилизацией и древним хтоническим лесом.

Афина вышла на широкую деревянную террасу. Внизу, в полумраке крытого гаража, поблескивали лаком её земные игрушки — приземистый открытый кабриолет Mercedes, созданный для глянцевых выездов в свет, и тяжелый, брутальный внедорожник с усиленной подвеской, на котором она лично пробивала просеки к заброшенным деревням. Вокруг дома пахло прелой листвой, мокрым мхом и горькой полынью. Растения на её участке цвели неестественно буйно для позднего октября. Кроваво-красные головки декоративных

маков и изумрудный газон казались нарисованными, выкрученными на максимум чужой, насильно влитой в них жизненной силой.

Ветер рванул подол её длинного, летящего платья из антрацитового шифона. Тончайшая полупрозрачная ткань, заговоренная на удержание ментального тепла, драматично взвилась, задевая тяжелые доски настила. По верху лифа шло старинное кружево шантильи, глухое, закрывающее шею до самого подбородка. Афина любила этот фасон — он создавал иллюзию викторианской строгости, за которой так удобно прятать хищный, голодный взгляд.

Но едва она переступила порог гардеробной, как внутри что-то оборвалось.

Это не было болью. Скорее — внезапным, леденящим падением температуры где-то глубоко в костном мозге. Пальцы, только что уверенно сжимавшие рычаг управления вертолетом, мелко, предательски задрожали. Афина медленно повернулась к огромному панорамному зеркалу, в котором отражалась и её спальня, и шумящий за стеклом ночной лес. Из глубины амальгамы на неё смотрела женщина умопомрачительной, порочной красоты: безупречный овал лица, фарфоровая кожа, тяжелая грива огненно-рыжих волос, спадающих на плечи дикими волнами. Зеленые глаза горели ровным, опасным изумрудным светом.

Она смотрела на себя ровно три секунды, пока магия удерживала фасад. А затем время, триста лет копившееся за её

плечами, прорвало плотину.

Первым ушел цвет. Ослепительно-рыжие пряди у корней стремительно блекли, наливаясь сухой, мертвой сединой, похожей на болотный мох. Фарфоровая кожа на скулах натянулась, истончилась до состояния пергамента, сквозь который уродливыми синими червями выползли вековые вены. На шее, прямо над бриллиантовой нитью колье, кожа собралась в дряблые, старческие складки. Пальцы рук согнулись, суставы заныли от древней ломоты, превращая холеные кисти бизнес-леди в скрюченные когти болотной карги. В легких стало горячо и сухо, словно она наглоталась пепла.

Срок истек. Шесть месяцев безмятежного глянцевого триумфа закончились. Прошлый «донор» — молодой, глупый хоккеист с безупречным иммунитетом — превратился в иссохшую тень, кочующую по кардиологическим клиникам Израиля, а его энергия, переплавленная в её теле, выгорела дотла.

Афина судорожно оперлась о бетонный край консоли. Зеркало отражало чудовищный контраст: роскошное, летящее шифоновое платье, расшитое драгоценными камнями, теперь висело мешком на сгорбленном, дряхлом теле трехсотлетней старухи. Дыхание со свистом вырывалось из бледных, потрескавшихся губ. Паника — первобытная, дикая паника существа, которое страшно боится смерти, — ударила в виски. Ей нужно было вернуть лицо. Прямо сейчас. Ей нужен был контакт. Живой, горячий, пульсирующий источ-

ник...

Каждый вдох давался Афине с хрипом, словно её легкие изнутри засыпало сухой суглинистой землей. Старость не просто пришла — она обрушилась на неё всей тяжестью веков, которые она так высокомерно копила. Кожа на лице зудела, натягиваясь и трескаясь у уголков губ, а суставы ломило так сильно, что колени подкашивались под тяжестью шифонового подола.

Она не смотрела на себя в зеркало. За триста лет она научилась ненавидеть свое истинное лицо, лицо дряхлой Навьей карги, которой суждено было сгнить еще в петровские времена.

— Не сейчас, — прохрипела она, и её собственный голос показался ей шелестом сухой соломы. — Только не сегодня.

С трудом, цепляясь скрюченными, сухими пальцами за гладкую поверхность бетонной стены, она доползла до скрытой панели в стене спальни. Щелчок — и тяжелая деревянная плита отъехала в сторону, открывая глубокую нишу. Внутри не было современных сейфов или кодовых замков. Там, в полумраке, пахло мертвой водой, болотным багульником и застарелым, горьким воском.

Среди блестящих хромированных банок с логотипом её собственной корпорации «Athena Pharm» стоял один-единственный сосуд, лишенный маркировки. Старый хрустальный флакон из темного, почти черного стекла, покрытый едва заметной вязью древних рун.

Афина трясущимися руками сорвала восковую печать. Внутри была густая, как деготь, маслянистая жидкость. Заговорная вытяжка из корня чернобыльника и костей птицы-пересмешника, сваренная на тринадцатую луну осени. Это не могло вернуть ей молодость — это лекарство было слишком слабым для глубокого исцеления. Но оно могло дать ей фасад. Иллюзию. Броню на ближайшие три-четыре часа, пока она не найдет живую кровь.

Она опрокинула флакон, глотая горькую, обжигающую пищевод жидкость. Горло мгновенно свело судорогой. Афина задохнулась, упав на колени прямо на холодный кедровый пол.

Действие заговора ударило по телу, как разряд тока. Это была суррогатная, болезненная сила. По венам словно пустили жидкий огонь. Афина закричала, но из её горла вырвался лишь глухой рык. Прямо на глазах пергаментная кожа на руках начала разглаживаться, всасывая синие вздувшиеся вены обратно под белизну фарфора. Седина у корней волос неохотно, будто сопротивляясь, отступила, возвращая прядям их ядовитый, огненный оттенок. Вековые складки на шее натянулись, возвращая тридцатилетний девичьей рельеф.

Через минуту на полу гардеробной снова сидела безупречная Афина Веккер. Но она знала цену этой минуте. Поддельная магия Нави выжигала её внутренние ресурсы с бешеной скоростью. Если до полуночи она не прикоснется к теплой,

чистой человеческой искре, этот фасад лопнет, как мыльный пузырь, и обратного пути уже не будет.

В ней закипела ярость. Настоящая, чистая, концентрированная злость хищника, которого заставили почувствовать себя слабой добычей. Она презирала смертных. Презирала их хрупкость, их глупые законы, их короткие, как у мотыльков, жизни. Но сейчас ей нужно было выбрать лучшего из них, чтобы продолжить свой триумф.

Афина поднялась на ноги. Шаги снова стали легкими, хищными, бесшумными. Она подошла к туалетному столику. Никакого естественного макияжа. Сегодня её оружием должна быть абсолютная, кричащая роскошь. Она нанесла на губы помаду цвета спелой, почти черной вишни. Вдела в мочки ушей тяжелые серьги из черненого серебра с крупными, каплями граната — камня, который славянские волхвы называли «рудой земли». Они подрагивали у её шеи, словно капли свежей крови.

Шифоновое платье антрацитового цвета шуршало при каждом движении, его подол летел за ней, как грозовое облако. Она не станет брать джип. Джип — для грязной работы, для болот и тайных раскопок. Сегодня ей нужен был глянец, который ослепит её жертву еще до того, как она назовет свое имя.

Она спустилась в гараж. Шаги гулко отдавались от сырого бетона. Низкий, приземистый кабриолет Mercedes ждал её, как верный пес. Афина бросила на пассажирское сиде-

нье маленькую замшевую сумочку, прыгнула за руль и нажала кнопку стартера. Восьмицилиндровый двигатель отозвался утробным, яростным рыком, заставив задрожать панорамные стекла особняка.

Ворота медленно поползли вверх, впуская в гараж холодный пригородный туман. За панорамными окнами дома глухой осенний лес зловеще зашелестел листвой, словно благословляя свою хозяйку на охоту.

Машина сорвалась с места, оставляя на асфальте черные полосы от шин. Кабриолет летел по извилистому загородному шоссе, разрезая фарами ночную темноту. Ветер бил Афине в лицо, трепал её огненные волосы, но она не чувствовала холода. В её голове уже зрел четкий план.

Она знала, куда едет. Закрытый элитный клуб «Монарх» в самом сердце столицы. Место, где собирались те, кто возомнил себя хозяевами этой жизни. Именно там сегодня должен был ужинать её идеальный донор — Кирилл Громов, тридцатипятилетний вице-президент крупного инвестиционного банка. Наглый, уверенный в своей безнаказанности хищник человеческого мира. Он привык покупать всё и всех. Он думал, что знает цену всему.

«Ты даже не представляешь, мальчик, насколько твоя цена высока», — холодно подумала Афина, вжимая педаль газа в пол. Кабриолет вылетел на пустую ночную трассу, направляясь к сияющим огням мегаполиса. Охота началась.

Тяжелая, обтянутая темной кожей барная стойка из мо-

реного дуба приятно холодила ладони Афины, когда она опустила на неё руки. Маслянистый заговор чернобыльника внутри её вен продолжал пульсировать, но это была фальшивая, заемная сила — она давала безупречную белизну коже и идеальный блеск рыжим волосам, но не приносила покоя. Внутри, под этим великолепным фасадом, Афина отчетливо слышала сухой, шуршащий шелест песочных часов. Её время истекало с каждым ударом тяжелых басов, сотрясающих стены клуба.

— Чистый виски для дамы в антраците? Или что-то более… интригующее? — низкий, бархатистый голос раздался у неё за правым плечом именно в ту секунду, когда бармен протянул ей хрустальный бокал с ледяной водой.

Афина не вздрогнула. Она медленно, с той ленивой грацией, которая дается только веками абсолютного превосходства, повернула голову. Кирилл Громов стоял слишком близко — на грани фола, нарушая ту невидимую черту личного пространства, которую обычные женщины защищают смущенным шагом назад. Он пах дорогим парфюмом с нотами сандала, кожи и легким, едва уловимым шлейфом хорошего табака. Но для ведьмы его главный запах был другим — от него пахло невыносимо сладкой, обжигающе горячей человеческой молодостью. Иммунитетом. Жизнью.

— Вода, — её голос прозвучал мягко, но в нем отчетливо звякнула сталь. — Чистая вода без газа. Самое интригующее, что можно найти в месте, где всё остальное разбавлено

фальшью.

Громов коротко усмехнулся. Этот ответ явно не вписывался в те сценарии, к которым он привык в VIP-ложах. Он оперся локтем о стойку, разворачиваясь к ней всем телом, намеренно демонстрируя широкие плечи под безупречно сидящим пиджаком из тонкой шерсти. В его темных глазах горел тот самый наглый, сытый азарт мужчины, который уверен, что любая крепость имеет свою цену — нужно только правильно подобрать валюту.

— Смелое заявление для женщины, которая сама выглядит как идеальный, баснословно дорогой экспонат, — он окинул медленным взглядом кружево шантильи на её шее, задержавшись на подрагивающих каплях граната в ушах. — Я знаю почти всех крупных игроков в этом городе, но вас вижу впервые. Кирилл.

Он протянул ей руку — ладонью вверх, легким, почти незаметным жестом приглашая её вложить свои пальцы в его капкан. На его запястье тускло блеснули швейцарские часы, стоимость которых равнялась хорошей квартире в спальном районе.

Афина посмотрела на его протянутую ладонь. Её собственные пальцы, скрытые под маской заговора, были теплыми и гладкими, но она помнила, какими они были пять минут назад — сухими когтями старухи. Эта мысль обдала её яростью.

Она не протянула руку в ответ. Вместо этого она просто

приподняла свой бокал с водой, едва коснувшись его пальцев холодным стеклом.

— Афина, — коротко представилась она, наблюдая, как на долю секунды на лице Громова проступило жесткое, хищное недоумение. Её холодность не оттолкнула его — она ударила по его раздутому эго, разжигая аппетит. — И я не экспонат, Кирилл. Я та, кто решает, какие экспонаты достойны остаться в коллекции, а какие пора списать в утиль.

— Вот как? — Громов подался вперед, его глаза опасно сузились. Его энергетика, которую Афина видела как плотное золотистое облако, запульсировала быстрее, отвечая на вызов. — Люблю амбициозных женщин. Обычно они оказываются самыми азартными игроками. Но в моем бизнесе, Афина, правила устанавливает тот, у кого больше ресурсов.

— В твоем бизнесе — возможно, — она сделала крошечный глоток, не сводя с него пристального, гипнотического взгляда зеленых глаз. В самой глубине её зрачков на мгновение вспыхнула и погасла искра Навьего огня. — Но мы сейчас не на бирже. И твои ресурсы… очень относительны.

— Хочешь проверить? — в его голосе проступила откровенная, хриплая страсть, смешанная с желанием подчинить эту невозможную, ледяную женщину. Он был уверен, что ведет тонкую игру соблазнения, шаг за шагом заманивая красивую самку в свои сети. — Моя машина на улице. Можем поехать в место, где никто не разбавляет фальшью то, что происходит между мужчиной и женщиной.

Афина мысленно улыбнулась. Смертный сам, своими ногами, шел в расставленные сети, ведомый собственной похотью и гордыней. Он думал, что покупает её вечер, а на самом деле подписывал контракт на передачу своего здоровья.

— Твоя машина не понадобится, Кирилл, — мягко, почти интимно произнесла она, делая шаг навстречу и заставляя его уловить горьковатый, дурманящий запах полыни от своих волос. — У меня есть место получше. В пригороде. Там, где природа сливается с домом, и где… очень тихо. Если ты, конечно, не боишься темноты загородных трасс.

Громов посмотрел на её темные, вишневые губы, и в его взгляде не осталось ничего от расчетливого банкира — только чистый, первобытный инстинкт самца, почуявшего редкую добычу.

— Я ничего не боюсь, Афина, — тихо ответил он, забирая со стойки свой пиджак. — Веди.

Ревущий поток холодного ночного воздуха с силой бил в лобовое стекло кабриолета, срывался вверх и бешеной волной закручивался в салоне. Огненные волосы Афины Веккер диким, живым пламенем бились по её плечам и спине. Она вела машину на грани фола, заставляя низкий Mercedes буквально вгрызаться шинами в извилистые повороты загородного шоссе. Скорость была её вторым наркотиком, но сегодня она лишь помогала удерживать фасад — суррогатная магия флакона Нави внутри её вен уже начинала горчить, оседая на языке привкусом жженой кости.

Кирилл Громов сидел на пассажирском сиденье, лениво откинув голову на кожаный подголовник. Перепад скоростей и ледяной ветер, казалось, только раззадорили его. Он сбросил свой дорогой пиджак на заднее сиденье, оставшись в одной тонкой рубашке из итальянского хлопка. Афина боковым зрением видела, как бешено пульсирует его жизнь под этой полупрозрачной тканью. Золотистое облако его энергии в замкнутом пространстве машины стало еще гуще, оно буквально обжигало её левое плечо.

— А ты любишь риск, Афина..— Громов повернул к ней голову, перекрикивая свист ветра и утробный рокот мотора. На его губах все еще блуждала та самая наглая, самоуверенная улыбка. Он протянул руку и уверенным, собственническим жестом положил ладонь на её колено, обтянутое антрацитовым шифоном. — Давненько меня никто не катал с такой скоростью. Обычно женщины боятся разбиться.

Афина даже не повернула головы. Её пальцы в тонких кожаных перчатках намертво сжимали руль. Коснувшись её, Громов даже не понял, что совершил — через ткань платья ведьма мгновенно ощутила его чистый, бьющий через край биологический напор. Его ладонь была горячей, сухой, полной первобытной мужской силы.

«Ты даже не представляешь, смертный, кто из нас двоих сегодня разобьется», — холодная, ядовитая мысль скользнула в её разуме.

— Я не боюсь разбиться, Кирилл, — её голос прозвучал

ровно, разрезая шум ветра. — Сломать кости — это пустяк. По-настоящему страшно только одно — сгнить заживо, наблюдая, как твое тело превращается в тлен, а разум остается молодым. Вот это — истинный ад.

Громов коротко рассмеялся, приняв её слова за обычную для богатых женщин экзистенциальную философию. Он скользнул ладонью чуть выше по её бедру, чувствуя, как летящий шифон платья струится под его пальцами.

— Философия в два часа ночи на скорости под двести? — он подался ближе, улавливая горький, дурманящий аромат полыни, исходящий от её шеи. — Мне нравится твоя сложность. Но давай оставим разговоры о тлене для тех, кому за шестьдесят. Сейчас мы живы, у нас есть эта ночь, и я хочу узнать, какая ты, когда снимаешь эту свою ледяную маску королевы.

— Ты узнаешь, — Афина резко выкрутила руль, уводя кабриолет с шоссе на узкую, скрытую вековыми елями асфальтированную дорогу, ведущую вглубь леса. — Ты узнаешь всё, Кирилл. До самой последней капли.

Машина влетела под мрачные своды тайги. Деревья мгновенно сомкнулись над ними тяжелым, черным навесом, отсекая свет далекого мегаполиса. Здесь, вдали от города, природа вокруг владений Векер дышала совсем по-другому — лес зловеще скрипел, ветви елей тянулись к открытому верху машины, словно пытаясь коснуться пассажира, которого хозяйка везла на убой. Туман, густой и холодный, пополз по

капоту Mercedes, смывая глянцевый свет фар.

Впереди, среди темноты, наконец показался её особняк. Монолитный куб из серого бетона и огромных панорамных стекол вспыхнул изнутри теплой, дизайнерской подсветкой. Он казался роскошным оазисом посреди дикой хтонической глуши. Природа буквально прорастала сквозь террасы — вековые стволы сосен пронзали деревянные настилы, уходя вверх, к вертолетной площадке на крыше.

Громов присвистнул, окинув дом оценивающим взглядом финансиста.

— Впечатляет. Стекло, бетон, глухой лес... У тебя потрясающий вкус, Афина. Настоящее логово для красивой хищницы.

Кабриолет плавно замер у широких ступеней террасы. Афина заглушила двигатель, и на лес обрушилась звенящая, давящая тишина, прерываемая лишь тихим потрескиванием остывающего мотора. Она повернулась к Громову. Заговор внутри неё сделал последний, судорожный толчок — лицо Афины Векеер в этот миг было безупречным, фарфоровым, а зеленые глаза в полумраке салона мерцали, как у голодного зверя.

— Мы приехали, Кирилл, — тихо сказала она, убирая его руку со своего колена и открывая дверцу. — Добро пожаловать в мою коллекцию.

Они поднялись по широким ступеням из массивного лиственничного бруса. Шаги Кирилла звучали тяжело, уве-

ренно, подошвы его дорогих туфель эхом отдавались от открытой террасы. Афина шла на полшага впереди. Подол её антрацитового платья скользил по дереву с сухим, шуршащим звуком, напоминающим змеиный шаг в сухой траве . Заговор, удерживающий форму, внутри её тела уже не просто горел — он исходил ядовитым, едким дымом, выжигая легкие. Она чувствовала, как под шелком лифа, прямо между лопатками, кожа начинает неумолимо стягиваться, готовая каждую секунду треснуть старческим пергаментом. Оставались минуты.

Тяжелая стеклянная дверь особняка беззвучно отъехала в сторону, реагируя на датчик. Внутри дома пахло безупречной, стерильной роскошью: дорогим деревом, пропитанным воском, и сыростью монолитного бетона. Огромная гостиная хай-тек казалась продолжением тайги. Сквозь огромные, от пола до потолка, панорамные окна заглядывал мертвый ночной лес, а внутренняя подсветка выхватывала из темноты сложную геометрию лестницы, ведущей на второй этаж.

Громов вошел, небрежно оглядываясь. Он чувствовал себя хозяином положения, мужчиной, который сорвал самый завидный куш этой ночи. Он подошел к Афине сзади, когда она остановилась у панорамного окна спальни второго этажа. Его руки легли ей на плечи, сминая тонкий шифон.

— Потрясающее место, Афина — его низкий голос вибрировал у её уха. — Но здесь слишком холодно. Тебе не кажется?

— Холод — это лишь отсутствие жизни, Кирилл. Это легко исправить, — тихо ответила она, медленно поворачиваясь в его руках.

В полумраке спальни, подсвеченной лишь мягкими диодными лентами вдоль бетонного потолка, её зеленые глаза казались огромными. Она подняла руки, и её тонкие, фарфоровые пальцы коснулись узла его галстука. Движения Афины были неторопливыми, почти медитативными. Она аккуратно распустила шелковую ткань, расстегнула верхнюю пуговицу его рубашки. Под её ладонями бешено, мощно забилась жилка на его шее. Громов был горячим. Его жизненная сила, это густое золотистое облако, теперь буквально впитывалось в её кожу через поры пальцев. Ведьма внутри неё судорожно сжала зубы, сдерживая дикий, голодный стон.

Кирилл перехватил её запястья. Его хватка была жесткой, сильной. Наглый банкир привык доминировать, он не собирался ждать.

— Ты слишком много играешь в загадки, женщина, — выдохнул он ей в губы, притягивая к себе. — Я приехал сюда не за разговорами.

Он впился в её губы жестким, требовательным поцелуем. Он думал, что забирает её, что подчиняет себе эту ледяную королеву . Он не понимал, что в эту самую секунду сам захлопнул за собой засов клетки.

В момент, когда их губы соприкоснулись, Афина Веккер распахнула свои ментальные шлюзы.

Это не было обычным физическим актом. Магия Нави, триста лет спавшая в её крови, проснулась с яростным, хищным ревом. Афина сделала глубокий, судорожный вдох через рот, и ритуал поглощения начался.

Громов вздрогнул. Его пальцы, до этого судорожно сжимавшие её плечи, внезапно ослабли. Он попытался отстраниться, в его глазах, прямо за пеленой похоти, мелькнул первый, дикий, животный ужас. Но он уже не мог пошевелиться. Его тело сковал невидимый, леденящий паралич.

Афина обняла его за шею, её пальцы вплелись в его короткие темные волосы, намертво удерживая его голову. Она пила его.

Перед глазами ведьмы развернулась невероятная, чувственная картина физиологического экстаза. Через поцелуй в неё хлынул плотный, густой поток чужой жизни. Это было похоже на жидкое, расплавленное золото, которое текло по её пищеводу, мгновенно выжигая остатки ядовитого заговора чернобыльника. Афина пьянела на глазах. С каждым его вздохом, с каждой секундой этого страшного контакта её тело преображалось.

Читатель мог бы увидеть это в полумраке спальни: кожа Афины, секунду назад казавшаяся блеклой под маской, налилась внутренним, почти лунным сиянием. Изломы её ключиц стали безупречно гладкими. Волосы — её огромная рыжая грива — зашевелились, словно живые, напитываясь ядовитым, огненным цветом, а по комнате пронесся едва замет-

ный вихрь из золотистых магических искр. Она чувствовала, как вековая усталость, ломота в суставах и страх смерти отступают, сгорая в этом чужом, украденном пламени. Она снова была богиней. Бессмертной. Всесильной.

А Кирилл Громов на глазах терял себя.

Его золотистая, сытая аура хищника стремительно бледнела, втягиваясь в рот Афины сужающимся клином. Его дыхание стало рваным, тяжелым. Рубашка под её ладонями намокла от холодного, липкого пота. Мужчина, который минуту назад мог сломать пальцами ветку, теперь обмяк в её руках, как тряпичная кукла. Его мощный иммунитет, его биологический фарт, его молодость — всё это перетекало в сосуд по имени Афина Веккер.

Она отпустила его только тогда, когда почувствовала, что её собственный внутренний резервуар полон до краев, а магия Нави довольно заурчала внутри, сытая и сытая на ближайшие полгода.

Громов рухнул на край огромной кровати. Его тело сделало последний, судорожный толчок, и он окончательно обмяк, потеряв сознание. Его голова безжизненно откинулась на шелковые покрывала, а лицо в полумраке спальни мгновенно приобрело землисто-серый, мертвенный оттенок. Человек, который еще час назад нагло вжимал её колено в сиденье кабриолета, сейчас выглядел как остывающий труп.

Афина Векер неторопливо отстранилась. Её дыхание было ровным, глубоким. В её груди, вытесняя горький пепел

заговора чернобыльника, теперь бушевало чужое, украденное солнце. Она подняла руку и посмотрела на свои пальцы — фарфоровые, безупречно гладкие, без единого намека на вековую сухость. Магия Нави сыто урчала у неё под ребрами.

Но игра еще не была окончена. Оставлять Громова в таком состоянии было непозволительной роскошью для владелицы «Athena Pharm». Современный мир был утыкан дорожными камерами, цифровыми следами и бдительными партнерами по бизнесу. Если вице-президент банка завтра не явится на работу или превратится в дряхлого калеку сразу после визита к ней, её идеальный хай-тек замок из стекла и бетона быстро окружат люди в форме.

Афина склонилась над распластанным телом. Её длинные огненно-рыжие волосы тяжелым шелковым пологом упали на грудь Кирилла. Она положила ладонь на его мокрый от пота лоб, а вторую руку опустила ему на область сердца. Кожа под её пальцами была ледяной.

Она закрыла глаза и заговорила. Её голос, только что бывший хрустальным и светским, изменился. Он стал низким, утробным, вибрирующим древней, дохристианской силой. Она шептала на старославянском, и эти звуки казались шуршанием сухой змеиной чешуи:

— Изыди, истина, на время в тень.
Оденься, тлен, в цветущий день.
На три луны, на три воды покрой, Навь,
смертного слепотой.

Пусть кровь играет, око так же зрит,
пока червь изнутри его точит ,
заговор мой безмолвно стоит...

С каждым её словом из её ладоней в тело Громова втягивались крошечные, едва заметные темно-зеленые нити магии. Это было похоже на наложение тугой, невидимой повязки на гниющую рану. Афина не возвращала ему жизнь — она создавала магическую иллюзию здоровья.

Прямо под её руками началось пугающее преображение. Землистый цвет лица Кирилла неохотно сменился ровным, здоровым румянцем. Дыхание выровнялось, став глубоким и спокойным, как у спящего человека. Синяки под глазами растворились. На ведьминский взгляд, его аура теперь выглядела как плотный, обманчивый глянцевый кокон.

Этот заговор запечатывал его увядание на ближайшие два-три месяца. Окружающие будут видеть прежнего наглого, успешного Кирилла Громова. Он будет проводить сделки, пить виски в клубах и смеяться. Но ровно через девяносто дней невидимая плотина прорвется. Магический каркас рухнет за одну ночь. Энергия начнет утекать из него со свистом, как воздух из пробитого колеса — стремительно, необратимо, подтачивая здоровье, ломая карьеру и высушивая иммунитет.

Кирилл глубоко вздохнул и открыл глаза. Его взгляд был затуманенным, он тупо уставился в бетонный потолок, не понимая, где находится и почему его тело кажется таким лег-

ким, словно сделанным из ваты. Заговор Нави уже работал, стирая из его памяти самые жуткие секунды поцелуя и заменяя их блаженной, туманной истомой

— Что... что произошло? — хрипло спросил он, пытаясь сесть.

Афина отошла к панорамному окну. Подол её антрацитового шифонового платья летел за ней, как триумфальное знамя. Она повернулась и посмотрела на него с холодной, царственной улыбкой.

— Ты просто устал, Кирилл. Ночь была слишком бурной, — её голос звенел, как дорогой хрусталь. — Твоя машина на улице. Можешь ехать. Охрана уже открыла ворота.

Громов поднялся. Благодаря заговору его походка была ровной, он уверенно накинул пиджак, чувствуя лишь легкую, приятную слабость, какую чувствуют после хорошего спортивного матча. Он бросил на Афину прощальный, всё еще самоуверенный взгляд, абсолютно убежденный, что покорил эту шикарную женщину, и направился к выходу.

Афина Веккер повернулась к окну. За стеклом дикий осенний лес яростно шумел, ветви елей бились о рамы, празднуя победу своей хозяйки. Фасад был безупречен. Бессмертие продлено. Она была молода, прекрасна и во всеоружии. До следующей осени.

Глава 2

Корни опавшей листвы

Триста лет назад её звали Олёной, и её мир пах не дорогим сандалом и авиационным керосином, а парным коровьим молоком, горьким дымом курной избы и мокрой ржаной соломой.

Шел тысяча семьсот двадцать второй год от Рождества Христова. В глухой, затерянной среди бескрайних северных болот волости весна наступала неохотно, упрямо, брызгая под ноги ледяной кашицей из-под подтаявших сугробов. Олёне едва исполнилось девятнадцать. У неё были те же огромные, чистые зеленые глаза, в которых тогда еще не было и следа нынешнего ледяного презрения, и тяжелая коса цвета спелой рябины, которую она подвязывала скромной холщовой лентой.

Она была дочерью деревенского знахаря-травника, и её пальцы — мягкие, теплые, пахнущие сушеной ромашкой и зверобоем — умели то, что сейчас Афина Веккер продает за миллиарды в капсулах. Олёна умела лечить души. К ней везли младенцев с крикливой сухоткой, к ней шли бабы, иссохшие от тоски по безвестно пропавшим на государевой службе мужьям. Она прикладывала ладони к их груди, закрывала

глаза и слушала, как внутри человеческого тела бьется искра жизни — тонкая, уязвимая, золотистая. Она дышала в унисон с их болью, забирая её себе, растворяя в своей чистой, молодой силе, и возвращала людей к жизни. Она верила в абсолютное, сияющее добро. Верила, что мир соткан из света.

Пока в их волость не пришла черная оспа.

Эпидемия навалилась на деревню к концу затяжной, голодной зимы. Болезнь не выбирала — она косила избы целыми семьями. Воздух в деревне стал липким, приторно-сладким от запаха гниющих тел. Отец Олёны сгорел первым за три дня, покрывшись сплошной коркой страшных, сочащихся сукровицей язв. Олёна осталась одна посреди этого адского вертепа. Она не спала неделями. Её домотканая рубаха из грубого льна пропиталась потом, гноем и уксусом, которым она тщетно пыталась обмывать умирающих. Её пальцы потрескались до крови от постоянного замешивания мазей на гусином жиру и дегте. Она молилась до хрипоты, до кровавых слез, прижимаясь лбом к ледяным бревнам божницы, но небо молчало, а люди продолжали умирать.

А потом захрипел Ивашка — единственный сын местной старостихи, кудрявый, синеглазый парень, с которым Олёна прошлым летом тайно бегала на реку встречать рассветы. На его широкой груди, под воротом чистой белой сорочки, проступили первые зловещие багровые пятна.

Олёна заперлась с ним в избе. Три ночи она не отходила от его постели, отдавая ему всё, что у неё было. Она прижи-

малась своей горячей, чистой щекой к его пылающему, покрытому струпьями лбу. Она пела ему древние, медитативные заговоры-колыбельные, которые когда-то лечили любую хворь. Читатель мог бы почувствовать этот ужас изнутри избы: тусклый свет лучины, треск фитиля в плошке с салом, тяжелый, хриплый свист в легких умирающего парня и Олёна, которая судорожно пыталась влить по капле в его спекшиеся губы отвар целебного корня. Она добровольно открыла свою душу, готовая забрать его болезнь, умереть вместе с ним, лишь бы его золотистая искра не угасла.

Но на четвертую ночь Ивашка умер у неё на руках. В его стекленеющих синих глазах отразился её собственный, искаженный отчаянием силуэт. В момент его последнего вздоха Олёна почувствовала, как огромная, тяжелая часть её собственной души оторвалась и ушла вслед за ним в ледяную пустоту.

Она осталась сидеть на полу возле покойника. Вокруг неё шуршали мыши, за бревенчатой стеной выл весенний ветер, а внутри неё образовалась мертвая, выжженная пустыня. Её вера в добро, в справедливость, в Бога умерла вместе с Ивашкой. Остался только один, дикий, первобытный страх. На следующее утро она поймала свое отражение в ведре с водой — её зеленые глаза были пусты, а у уголков губ залегли первые, не девичьи складки. На её руках, которыми она обнимала труп, болезнь так и не проступила — её чистая целительская сила выжгла заразу, но взамен потребовала всё

её внутреннее тепло.

В ту же ночь в деревню вошли каратели.

Указ государя Петра Алексеевича был суров: зачумленные и осповые волости выжигать дотла, чтобы зараза не поползла к столицам. Олёна проснулась от страшного, багрового зарева, ворвавшегося в панорамное волоковое оконце избы. Снаружи кричали люди, выли собаки, ревело пламя. Солдаты в зеленых мундирах хладнокровно подносили факелы к соломенным крышам. Деревня горела, как сухой хворост. Перед окнами пронеслась старостиха с растрепанными седыми волосами, но её срезали коротким, глухим ударом багинета.

Олёна выскочила из избы через задний проход, ведущий к огородам. На ней была только одна исподняя рубаха, босые ноги мгновенно утонули в ледяной грязи и колючем насте. Сзади ревело пламя, выжигая её прошлую жизнь, её дом, могилу её отца и тело Ивашки. Она бежала, не разбирая дороги, задыхаясь от едкого дыма, пока не рухнула без сил глубоко в лесной чаще, на самом краю Мохового болота — места, которое деревенские обходили за три версты, шепотом называя его воротами в Навь.

Она лежала на сыром, мерзлом мху, лицом в черную болотную жижу. Легкие горели от холода, пальцы на ногах посинели и потеряли чувствительность. Смерть стояла над ней — ослепительно белая, ледяная, пахнущая костром и гнилью. Олёна поняла, что замерзает.

Романтика жертвенности окончательно разбилась о ледяную, грязную реальность. Здесь не было красивого ухода в небеса — была только подступающая, мучительная агония в болотной жиже. Физическое тело Олёны, её молодая, сильная биология взбунтовалась против небытия. Паника — та самая дикая, животная паника существа, которое осознает, что его сейчас закопают в мерзлую землю и оно просто перестанет существовать, — намертво сжала её горло.

Она поняла, что совершила ошибку. Она не хотела быть мертвой святой. Она до ужаса, до одурения, до темноты в глазах захотела просто дышать. Видеть солнце. Чувствовать опору под ногами.

Паника — та самая дикая паника, которая через триста лет заставит Афину Веккер душить мужчин в поцелуях, — впервые сжала её горло. Она не хотела умирать. Она до ужаса, до одурения хотела жить. Пусть без души, пусть в пустоте, но жить.

— Кто-нибудь… — прохрипела она в черную воду болота, и её слезы капали в мох, мгновенно замерзая. — Помогите… Я отдам всё.

И болото ответило.

Земля под её ладонями глухо задрожала. Из тумана, лениво наползавшего со стороны трясины, соткалась фигура. Это не был черт с рогами или сказочное чудовище. Из мрака вышла женщина — невероятно высокая, со статным телом, одетая в тяжелый сарафан из черной парчи, расшитый

речным жемчугом и костями. Её лицо было безупречно молодым и красивым, как у языческой богини, но волосы — огромная, растрепанная грива — были абсолютно белыми, как мартовский снег. От неё пахло сырой землей, полынью и столетней зимой. Это была Хозяйка Нави, древняя сила, которая спала под болотами веками.

Она наклонилась над Олёной. Её пальцы — длинные, с острыми черными ногтями — коснулись огненной косы девушки.

— Хочешь жить, девка? — её голос прозвучал как треск ломающегося льда на реке. — Сила в тебе великая, чистая была. Людей лечила, душу им правила. А теперь пусто внутри?

— Спаси… — выдохнула Олёна, цепляясь коченеющими пальцами за подол её черного сарафана. — Я боюсь умереть. Спаси.

Хозяйка Нави жестоко улыбнулась.

— Я спасу тебя от смерти, Олёна. Твое тело никогда не сгниет в земле, твои кости не сожрет червь, а лицо твое будет оставаться прекрасным, пока стоит этот мир. Но цена за это будет долгой. Твоя чистая целительская сила перевернется. Отныне ты не сможешь давать жизнь — ты будешь её только забирать. Чтобы оставаться молодой, ты будешь пить чужое тепло. Каждые полгода ты будешь видеть в зеркале свой истинный облик — облик мертвой старухи, и если не успеешь испить человека, Навь заберет тебя навсегда. Твоя жизнь ста-

нет вечной осенью. Согласна ли?

Олёна посмотрела назад — туда, где над лесом всё еще стояло кровавое полыхание её сгоревшей деревни. Она вспомнила Ивашку, вспомнила отца и тот леденящий ужас увядания, который только что коснулся её ног.

— Согласна, — твердо сказала она.

Хозяйка Нави наклонилась и впилась в её губы ледяным, мертвым поцелуем. Олёна закричала, но звук застрял в её горле. В неё хлынула древняя, черная магия болот. Это было больно — словно её вены изнутри разрывали острые ледяные иглы. Её рыжая коса сама собой расплелась, волосы взметнулись вверх, наливаясь ядовитым, огненным цветом, а вокруг её тела закружился вихрь из черных листьев и искр. Её сердце сделало последний, нормальный человеческий удар... и остановилось, превратившись в холодный, расчетливый магический мотор.

Когда Афина Веккер открыла глаза, Хозяйки Нави уже не было. Туман рассеялся. Олёна поднялась со мха. Она больше не чувствовала холода. Её босые ноги ступали по ледяному насту, но кожа оставалась гладкой и теплой. Она подошла к темной воде болотного окна и заглянула туда.

Из черной глубины на неё смотрела тридцатилетняя женщина умопомрачительной, порочной красоты. Её фарфоровое лицо было идеальным, зеленые глаза горели опасным изумрудным светом, а губы налились цветом спелой вишни. Она больше не была Олёной. Олёна сгорела вместе с Иваш-

кой в ту страшную ночь.

Из Мохового болота вышла Афина — ведьма, которая только что заплатила свою первую, самую страшную цену за вечную осень.

Она стояла у болотного окна, не в силах оторвать взгляда от своего нового лица. В черной, зеркальной воде Нави отражалась незнакомка. Больше не было Олёны с её робкой, мягкой улыбкой. Из ледяной жижи поднялась Афина. Её тридцатилетняя, порочная красота казалась высеченной из тончайшего мрамора, а тяжелые, огненно-рыжие волосы, освободившись от холщовой ленты, падали на плечи густыми, живыми волнами. Она коснулась своих губ — они были теплыми, полными, налитыми цветом , но внутри, прямо под ребрами, вместо привычного девичьего трепета застыл тяжелый, ледяной покой. Сердце больше не болело по Ивашке. Оно вообще больше не умело болеть.

Первые несколько верст по глухому, заваленному буреломом лесу она шла как в полусне. Тонкая исподняя рубаха цеплялась за ветки елей, но Афина не чувствовала холода. Босые ноги ступали по колючему насту, оставляя глубокие следы, но лед под её подошвами подтаивал, словно от невидимого внутреннего жара. В ней просыпался первый, пока еще смутный, но пугающий голод. Это не была обычная человеческая потребность в хлебе — её тело требовало чужого тепла, чужого дыхания, чужой жизни, чтобы удержать этот великолепный фарфоровый фасад.

К полудню она выбралась на заснеженный Архангельский тракт. Дорога, изрезанная глубокими колеями от тяжелых телег и карет, пахла лошадиным потом и мокрой кожей. Магия Нави вела её безошибочно.

Афина опустилась на колени прямо в грязный придорожный сугроб. Она намеренно разорвала ворот своей рубахи, обнажая безупречную белизну ключиц, испачкала лоб мокрой землей и распустила свои огненные волосы по снегу. Ей нужно было разыграть спектакль. Сыграть ту, кем она больше никогда не будет, — беззащитную жертву.

Долго ждать не пришлось. Со стороны волости послышался глухой, ритмичный топот копыт и звяканье дорогой упряжи.

На тракт вылетел породистый гнедой жеребец под роскошным седлом из тисненой немецкой кожи . Всадник был приметный — молодой барин, дворянин из тех, кого царь Петр наделил землями в этих краях. На нем был дорогой суконный кафтан изумрудного цвета с серебряным шитьем, подбитый куньим мехом, на ногах — тяжелые ботфорты со шпорами, а из-под треуголки выбивались напудренные кудри. Лицо у него было сытое, породистое и наглое — он был хозяином этой земли, привыкшим, что всё вокруг принадлежит ему по праву рождения. Настоящий хищник своего века. Его жизненная искра — густая, плотная, пахнущая сытостью и дорогой водкой — ведьма почуяла за сотню шагов. Её губы непроизвольно сжались, а в глубине зеленых глаз вспыхнул

голодный изумрудный огонь.

Барин резко осадил коня, заметив на снегу яркое пятно рыжих волос и белую рубаху. Жеребец всхрапнул, косясь на обочину, словно дикое животное почуяло опасность раньше хозяина.

— Эй, девка! Жива ли? — крикнул дворянин, хватаясь за рукоять плети.

Афина медленно, с тихим, притворным стоном приподнялась из сугроба. Она подняла на него свои огромные, полные наведенных слез зеленые глаза.

— Помилуй, барин… — её голос, измененный магией, прозвучал как стон раненой лесной птицы, заставив сердце молодого дворянина пропустить удар. — Разбойники… Ночью на усадьбу напали. Всех убили, пожгли, батюшку моего до смерти засекли, а меня в лес уволокли. Насилу вырвалась, всю ночь по болотам бежала… Замерзаю, барин. Спаси душу христианскую.

Дворянин соскочил с коня. Его ботфорты тяжело хрустнули по насту. Он подошел ближе, и его наглый, оценивающий взгляд скользнул по её разорванной рубахе, по белой, шелковистой коже и огненным волосам, которые так дико и красиво смотрелись на грязном дорожном снегу. В его глазах мгновенно вспыхнула похоть — грязная, мужская страсть человека, которому в руки сама пришла беззащитная, невероятная красавица.

— Ну-ну, не плачь, красавица, — он схватил её за обна-

женное плечо, приподнимая из сугроба. Его ладонь через перчатку показалась Афине обжигающе горячей. — К какому же роду ты по отцу принадлежишь? Не из здешних ведь, больно утонченная. Ладно, у меня в усадьбе отогреешься. Я тебя никому в обиду не дам.

Он подхватил её на руки и легко закинул в седло впереди себя, сев сзади и крепко обняв её за талию. Конь двинулся шагом. Барин прижимал Афину к своей груди, упиваясь её близостью, её горьковатым запахом полыни, который он принял за запах дикого леса. Он думал, что везет к себе бесплатную наложницу, которую можно будет безнаказанно портить в своей помещичьей спальне. Он был абсолютно уверен, что ведет игру.

Но когда они доехали до его уединенной загородной усадьбы и он привел её в свои покои, пахнущие дорогим привозным табаком и восковыми свечами, роли поменялись.

Барин запер дверь на тяжелый засов. Он скинул кафтан, оставшись в тонкой шелковой сорочке, и с наглой, хозяйской улыбкой подошел к Афине, которая стояла у постели, покорно опустив голову.

— Ну что, рыжая, давай смывать с тебя болотную грязь, — ухмыльнулся он, хватая её за волосы и резко притягивая к себе для поцелуя.

Это был её самый первый раз. Афина Веккер еще не знала, как управлять этой силой, но магия Нави внутри неё среагировала сама, подчиняясь первому, дикому голоду.

В секунду, когда его губы коснулись её рта, Афина распахнула свои ментальные тиски.

Барин вздрогнул так, словно его пронзили раскаленным шомполом. Его глаза расширились, наглый взгляд мгновенно остекленел, наполнившись леденящим, смертельным ужасом. Он попытался оттолкнуть её, но его руки, секунду назад полные дворянской силы, мгновенно ослабли и повисли вдоль тела. Он замер, пригвожденный к её губам невидимой петлей.

Афина пила его жадно, захлебываясь от экстаза. В её вены мощным, бурлящим потоком хлынула его плотная, молодая барская жизнь. Это было похоже на глоток чистейшего, обжигающего огня, который мгновенно заполнил внутреннюю пустоту. Читатель мог бы увидеть это в полумраке помещичьей спальни: её рыжие волосы зашевелились, наливаясь ядовитым, торжествующим блеском, кожа стала гладкой, как дорогой фарфор, а вокруг её тела пронесся едва слышный вихрь из сухих листьев. Она преображалась, впитывая его фарт, его здоровье, его силу.

Глава 3

Имя для тени

Молодой помещик, чью жизнь она так жадно и слепо испила в его собственной загородной усадьбе, остался сидеть на полу у резного комода. Навьи чары тогда, в самый первый раз, сработали первобытно, дико и топорно. Афина еще не умела плести тонкие заговоры-обманки, не знала, как дозировать голод, и барская жизненная сила хлынула в неё безудержным, палящим пожаром, начисто выжирив разум несчастного. Дворянин не умер, нет — магия Нави обошлась с ним изощреннее. Он превратился в безвольного, пускающего слюну дурачка. Он сидел, тупо разглядывая собственные холеные пальцы, бессмысленно улыбался углам комнаты и больше не помнил ни своего славного рода, ни человеческой речи.

Афина забрала его золото, тяжелый кошель с серебряными рублями, породистых коней и подбитую куньим мехом шубу, но оставаться в усадьбе не посмела. Триста лет назад уединенное поместье не гарантировало безопасности. Она понимала: этот человек здесь свой, местный. Скоро объявятся соседи-помещики, нагрянут уездные исправники, поднимется страшный шум, и рыжеволосую чужачку, объявившу-

юся в доме внезапно лишившегося ума барина, быстро отправят под конвой, а оттуда — прямая дорога на плаху или в сырой монастырский острог за колдовство. Ей нужно было бежать. Бежать дальше, к северу, в сторону строящегося Петербурга, где в хаосе великой государевой стройки было легче всего затеряться. Но главное — ей нужно было найти того, у кого в этих краях нет ни корней, ни бдительной родни. Мужчину, чье имя и статус можно было бы забрать целиком, без остатка, сделав своей вечной броней.

Магия Нави, темная и чуткая, сама вела её по весенним трактам. Почти три недели Афина кочевала от одного постоялого двора к другому под видом немой, убитой горем вдовы. Она куталась в тяжелую барскую шубу, прятала лицо под низко надвинутым платком и платила за ночлег исключительно мелкой серебряной монетой, чтобы не привлекать внимания целовальников и станционных смотрителей. Грязь на дорогах стояла страшная: апрельская оттепель превратила тракты в месиво из бурого талого снега, навоза и ледяной воды. Лошади вязли по самые брюха, телеги скрипели, а воздух пах прелой соломой, сырой кожей и дешевой сивухой.

Внутри Афины в это время шел свой, невидимый и пугающий процесс. Краденное солнце придорожного помещика угасало быстрее, чем она рассчитывала. К исходу третьей недели на постоялом дворе близ Тосно она почувствовала, как под плотным сукном шубы её тело снова пронзила тонкая, колючая ломота. Кожа на запястьях стала сухой, потеря-

ла девичий глянец, а в ногах появилась вековая, свинцовая тяжесть. Время поджимало. Ей нужен был новый донор, но теперь — выбранный холодным, расчетливым умом.

В тот вечер в полутемной, прокуренной зале постоялого двора, где пахло жареным луком и мокрыми овчинными тулупами, она услышала жесткую, гортанную немецкую речь.

Так в её судьбе появился Кирилл фон Веккер.

Он сидел особняком у самого окна, потягивая из оловянной кружки жженое пиво. Сын остзейского дворянина, инженер-фортификатор, он был прислан из Лифляндии по личному указу государя Петра Алексеевича. Его задачей было осушение здешних топких болот, прорубка просек и прокладка новых каналов к строящейся столице. Человек холодной, европейской выучки, он презирал местных «мужиков», жил абсолютно обособленно в закрытом казенном имении на краю глухой тайги и отчаянно искал себе лекарку или экономку. Болотная лихорадка и гнилая вода косили его немецких мастеров и русских работных людей десятками, а штатный доктор сбежал обратно в Ревель, испугавшись сурового климата.

Для Афины этот иностранец был идеальной, благословенной Навью мишенью. Одинокий чужак, у которого в России не было ни единой живой души, кроме чертежей и государевой подорожной грамоты с большой сургучной печатью. Эта грамота открывала любые заставы и списывала любые странности.

Она пришла к крыльцу его бревенчатой, просторной усадьбы на следующее утро, когда густой, как парное молоко, туман съедал остатки мартовского наста. Вся её гордыня, всё ведьминское величие были глубоко запрятаны под темный холщовый платок. Она опустила глаза, сгорбила плечи и заговорила тихим, покорным, певучим слогом деревенской знахарки:

— Умею лихорадку болотную заговаривать, барин. И воду мертвую от гнилых ран знаю, и корень, что сон испуганный возвращает. Возьми в дом. Не пожалеешь, кормилец.

Кирилл фон Веккер вышел на крыльцо, накинув на плечи длинный немецкий плащ. Он окинул её медленным, тяжелым взглядом европейского хозяина. В его холодных серых глазах, привыкших к строгой геометрии чертежей и цифр, на секунду вспыхнул опасный, чисто мужской интерес. Даже сквозь грязный холщовый платок и нарочито покорную позу её фарфоровая кожа, безупречный овал лица и сочные, вишневые губы выглядели слишком вызывающе, слишком дорого для простой деревенской девки.

Афина, стоявшая на замерзшей земле босыми ногами (обувь она намеренно оставила за воротами, подыгрывая роли), ведьминским чутьем уловила, как его жизненная сила — плотная, сытая, пахнущая хорошим табаком, порохом и железным немецким упрямством — запульсировала быстрее, отвечая на этот невольный плотский призыв. Золотистое облако его энергии коснулось её лица, и внутри ведьмы голод-

ная магия хищно заурчала, требуя немедленно сорвать этот фасад. Но она сдержалась. Капкан должен был захлопнуться без единого звука.

— Гут, — по-русски, но с жестким, рубящим немецким акцентом произнес он, поправляя обшлага. — Будешь следить за лекарским покоем в усадьбе. Сваришь отвары для моих плотников. Но запомни, девка: если до конца луны у меня помрет еще хоть один человек — велю выпороть на конюшне до белых костей. Иди за мной.

Она вошла в его дом покорной служанкой, зная, что выйдет из него полноправной хозяйкой.

Ей потребовалось три недели. Три долгих весенних недели Афина вела свою тихую, невидимую осаду. Она приглядывалась к его привычкам, изучала распорядок усадьбы и шаг за шагом втиралась в доверие к суровому инженеру. Каждый вечер она приносила в его кабинет заговоренные отвары: мягкие, успокаивающие настои из лесной мяты, корня валерианы и сонных маковых голов, незаметно подмешивая туда каплю болотной Навьей воды. Кирилл фон Веккер пил их, послушно привыкая к её магии. Его холодный, математический разум немца постепенно затуманивался, тевтонская жесткость сменялась ленивой истомой, а взгляд всё чаще и откровеннее задерживался на её летящем силуэте, когда она бесшумно скользила по дубовым полам дома.

Срок её первой, грубой подзарядки от придорожного барина стремительно истекал. Афина чувствовала, как в суста-

вы по ночам возвращается едва заметная, пугающая ломота старости. Ей нужен был его каркас. Его имя. Его жизнь.

И вот, на исходе третьей недели, когда мартовская луна налилась холодным, зеленоватым светом, Афина поняла: время пришло.

Она вошла в его спальню в полночь, неся на серебряном подносе хрустальный кубок с заговоренным вином. Тяжелые напольные часы в углу мерили время глухими, маслянистыми ударами. Кирилл сидел в кресле, сбросив кафтан, в одной шелковой сорочке, изучая чертежи каналов.

— Твой вечерний отвар, барин, — мягко произнесла она, сбрасывая с головы темный платок.

Огненные волосы тяжелой, живой волной рассыпались по её плечам, полыхнув в полумраке комнаты. Кирилл поднял голову, и его зрачки мгновенно расширились от внезапного, ослепляющего желания, которое три недели копилось в его венах. Он отбросил перо, резко поднялся и сделал шаг к ней, хватая её за запястья мертвой хваткой.

— Ты слишком красива для ведьмы, Афина, — хрипло выдохнул он, притягивая её к себе для поцелуя. — Сегодня ты останешься здесь.

— Конечно, Кирилл, — тихо ответила она, открывая свои ментальные шлюзы. — Я останусь здесь навсегда. Под твоим именем.

Их губы соприкоснулись, и комната утонула в звенящей, мертвой тишине. Навьи чары, которые она теперь контроли-

ровала холодным разумом, начали медленно, по капле вытягивать из немецкого дворянина его волю, его разум и его государеву подорожную грамоту.

Кирилл замер, его пальцы на её запястьях мгновенно обмякли, а взгляд серых глаз остекленел, покрывшись туманной, белесой пеленой. Под поддавшимся её воле напором магии он послушно опустился обратно в кресло, тяжело и ровно дыша, превращаясь в живую, но пустую куклу. Его серая радужка затопилась чернотой расширенных зрачков, лицо обмякло, а взгляд стал блуждающим. Он тупо созерцал синие линии планов перед собой, потеряв всякий человеческий вид и больше не помня собственного имени.

Афина отстранилась. Её дыхание было чистым, а по венам разливалось чужое, плотное тепло. Она положила ладонь на его холодный лоб и заговорила вслух. Её голос зазвучал низко, вибрирующе, ложась на тишину спальни как тяжелый саван:

— Глаза твои отныне зрят, да не видят правды.
Уши твои слышат мой голос, да не помнят чужого.
Память твою туманом белым укрываю,
волю твою в свои руки забираю.
Будешь ходить по моему следу,
дышать по моему слову,
подписывать бумаги по моему велению.
Имя твое отныне — моя тень,
жизнь твоя — моя броня,

пока Навь не заберет тебя до конца.

Зеленоватая, болотная искра скользнула с её утонченного ногтя прямо в его висок. Кирилл фон Веккер вздрогнул, его веки дрогнули, но заговор лег идеально. Отныне он оставался лишь послушным фантомом, лишенным собственной воли. Он дышал, принимал пищу из её рук и механически подписывал латинской готикой любые бумаги, которые она подкладывала к его локтю.

Афина действовала хладнокровно, без суеты. Из тяжелого кованого сундука, обитого железными полосами, она достала государеву подорожную грамоту с тяжелой сургучной печатью — её главный пропуск в верхний мир. В тайнике под двойным дном нашлись три холщовых мешочка с тяжелыми золотыми дукатами и векселя петербургских банкиров...

Она не просто забрала его энергию — она ювелирно, по волокну вытянула из остзейского дворянина его социальную жизнь.

Когда напольные немецкие часы пробили два часа после полуночи, Кирилл фон Веккер всё еще сидел в своем глубоком кресле перед разложенными чертежами осушительных каналов. Но его серые глаза, еще вечером бывшие проницательными и острыми, теперь тупо и неподвижно созерцали синие линии планов. Навьи чары Афины обволокли его разум плотным, серым туманом. Он не кричал, не бился в судорогах и не покрывался испариной. Заговор-обманка лег на

его сознание безупречно: для всех домашних, слуг и рабочих немецкий инженер оставался живым, но отныне он превратился в послушного фантома, лишенного собственной воли. Он дышал, принимал пищу из её рук и механически подписывал латинской готикой любые бумаги, которые она подкладывала к его локтю.

Сбросив грязное , пропахшее потом и болотной прелью холщовое платье знахарки, Афина впервые облачилась в настоящую роскошь. Она надела нижнюю юбку из плотного голландского полотна, а сверху накинула тяжелый мужской кафтан Кирилла из сапфирового сукна, подбитый шелком. Серебряные пуговицы тускло поблескивали в полумраке спальни. На её указательный палец лег его перстень с крупным, чистым изумрудом; магия Нави заставила золотой ободок послушно сжаться, плотно обхватив её фарфоровую кожу.

Ей больше не нужно было прятаться по лесам. Отныне, прикрываясь безвольным инженером, она вела дела от его имени, шаг за шагом переводя его активы на подставные купеческие счета. Используя свой вековой опыт травницы, перевернутый Навью наизнанку, она открыла первую тайную аптекарскую лавку на Васильевском острове. Столичная знать, чахнущая от чахотки и бледной немочи, платила чистым золотом за её «целебные эликсиры», которые даровали мгновенный румянец, но забирали у доверчивых купцов и фрейлин по неделе жизни в пользу их создательницы.

Когда спустя три года фантомный Кирилл фон Веккер тихо угас в своей постели от «болотной чахотки», никто не удивился. К тому моменту в юридических бумагах коллегий уже прочно закрепилось имя его молодой, баснословно богатой вдовы и наследницы — Афины Веккер. Первая, самая сложная ступень трехвекового восхождения была завершена.

Глава 4

Стеклянный лабиринт

Главный офис «Athena Pharm» занимал верхние этажи футуристической башни из зеркального стекла и вороненой стали в самом центре столицы. Январское утро за пределами небоскреба было серым, колючим и ветреным. Мегаполис внизу казался огромным муравейником, зажатым в тиски ледяного смога, но здесь, на высоте птичьего полета, царил абсолютный, стерильный покой.

В кабинете главы корпорации пахло дорогим горьким кофе, морозным озоном из скрытых систем климат-контроля и едва уловимым, сухим ароматом дорогой бумажной полиграфии. Интерьер был выдержан в её любимом стиле: монолитные стены из матового серого бетона, панорамное остекление во всю стену и огромный стол из черного окаменелого дерева, возраст которого исчислялся тысячелетиями. Афина любила эти детали — мертвый, застывший камень и холодный бетон давали её ведьминскому естеству то самое ощущение незыблемой стабильности, которого она была лишена триста лет назад на зыбких северных болотах.

Она сидела в глубоком кресле из гладкой черной кожи, чувствуя себя абсолютно защищенной и сильной. Январь

— середина её ведьминского цикла. Сила банкира Громова, украденная два месяца назад, бурлила в её венах плотным, надежным, горячим океаном. Её фарфоровая кожа сияла безупречной молодостью, а тяжелые рыжие волосы были собраны в строгий высокий хвост, открывающий безупречную линию шеи. На ней был строгий брючный костюм глубокого чернильного цвета от миланского дизайнера, сшитый из плотной, тяжелой шерсти, которая идеально держала форму.

Афина никуда не спешила. До следующей осени, когда магия Нави снова потребует плату, оставалось еще добрых четыре месяца. Но три века жизни научили её главному правилу выживания: хищник готовит капкан задолго до того, как начнется голод.

Она лениво пролистывала на планшете утренние сводки новостей. Заговор-обманка на банкире Громове держался идеально — до конца его трех месяцев оставались считанные недели, он всё еще блистал на экономических форумах, но невидимые ментальные нити, связывающие Афину с ним, уже истончались. Скоро он начнет увядать. И Афина, как мудрый руководитель корпорации, заранее подбирала следующий «актив» для своей вечной осени. Ей нужен был донор совсем другого толка — человек с колоссальным запасом физической прочности, чьей энергии хватит на то, чтобы перекрыть весеннее пробуждение природы.

Дверь из матового стекла беззвучно отъехала в сторону, нарушая тишину кабинета.

— Афина Павловна, господин Беркут прибыл. Документы на подписание готовы, — тихо произнесла личная секретарша, бесшумно выставляя на стол папку из дорогой кожи.

— Проси, — коротко, хрустальным голосом бросила Афина.

Максим Беркут вошел в кабинет уверенным, пружинящим шагом человека, который привык доминировать на любой территории, будь то ковровое покрытие элитного офиса или окровавленный настил бойцовского октагона. Двадцать семь лет. Абсолютный чемпион по смешанным единоборствам, кумир миллионов, эталон безупречной мужской биологии. На нем было простое, но баснословно дорогое пальто из кашемира, наброшенное поверх черной водолазки, которая плотно обтягивала его мощную, литую грудь и широкие плечи. У него были резкие, словно рубленые черты лица, короткие темные волосы и тяжелый, прямой взгляд карих глаз, в котором читался привычный азарт бойца.

Афина распахнула свое ведьминское зрение, скрытое за светской маской топ-менеджера, оценивая будущую добычу.

Энергетика Беркута была феноменальной. Она не была похожа на сытое, золотистое облако банкира Громова. Жизненная сила Максима пульсировала вокруг его тела тяжелым, густым, багрово-красным заревом. От него буквально веяло бешеной физической выносливостью, запредельным уровнем тестостерона и чистой, бьющей через край биологической первозданностью. Это была энергия воина, который

вывел свое тело на пик эволюции. Идеальный весенний резервуар.

— Рад личному знакомству, Афина Павловна, — Максим подошел к столу и протянул ей руку. Его голос был низким, слегка хрипловатым от частых тренировок.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.